

Александр Апанасенко

Aleksandr Apanasenok

*(Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

**Рец. на: J.M. Hartley. The Volga: a history of Russia's greatest river.
New Heaven: Yale University Press, 2021. 380 p.***

DOI: 10.31857/S2949124X24020171, EDN: HHQSOE

Испокон веков реки обеспечивали людей пищей и энергией, защищали от врагов, создавали благоприятные условия для передвижения и торговли, а потому оказывались катализаторами и, одновременно, «свидетелями» развития цивилизаций. Не удивительно, что в мировой научной и научно-популярной литературе уже не раз предпринимались попытки посмотреть на прошлое той или иной страны через призму истории важной для неё реки. Тут можно вспомнить классический труд П. Хоргана о Рио-Гранде¹, увлекательную «Темзу» П. Акройда² или тематически многогранную книгу о Ганге С. Сена³.

Будучи самой длинной и полноводной рекой Европы, местом взаимодействия разных культур и при этом одним из важнейших символов России, Волга не менее других великих рек заслуживает посвящённого ей исторического труда. Идея написать такой труд пришла британской исследовательнице Дженет Хартли. В 2021 г. издательство Йельского университета выпустило её книгу «Волга. История величайшей реки России». В начале 2024 г. эта книга вышла и на русском языке⁴, однако особенности перевода отечественного издания вынуждают по-прежнему обращаться к оригиналу⁵.

Д. Хартли — почётный профессор Лондонской школы экономики, специалист по истории России Нового времени. Её наиболее известный труд до выхода «Волги» был посвящён истории Сибири⁶. Вероятно, сформировавшийся во время работы над ним навык смотреть на российское прошлое «с востока» повлиял и на авторскую концепцию рецензируемой книги. «Волга» — попытка представить исторический путь страны через обзор тех событий и явлений, которые имели место от Ржева до Астрахани. Естественно, Хартли отдаёт себе отчёт в том, что любая история такого рода может быть только более или менее осмысленной выборкой из бесконечного множества более конкретных историй. Она не пытается объять необъятное, а стремится, как сама подчёркивает, «описать и объяснить важность Волги и наше очарование ею» (р. 9). По сути, её книга посвящена роли реки — физической и символической — в тысячелетнем становлении России. Чтобы показать эту роль, английская исследовательница характеризует историю Волги как важнейшей торговой артерии, места встречи разных народов, религий и культур, зоны многочисленных конфликтов, а также феномена, оказавшего большое вли-

* *Хартли Дж.М. Волга. История величайшей реки России. Нью-Хейвен: Изд-во Йельского университета, 2021. 380 с.*

яние на формирование идентичности россиян.

Для анализа соответствующих вопросов Хартли собрала значительный массив данных из архивов Казани, Астрахани, Ярославля, Самары, национальных архивов Великобритании, Британской библиотеки, а также множества источников, опубликованных на русском и английском языках. Основательно поработала она и с уже имеющейся научной литературой (опять же на двух языках), о чём свидетельствует насчитывающий более четырёхсот позиций библиографический список. Впрочем, процесс написания книги включил в себя не только «путешествия» по страницам разнообразных изданий и документов, но и поездки Хартли по множеству живописных мест Поволжья. О последнем обстоятельстве, кроме многочисленных ремарок в тексте, свидетельствуют и представленные в книге авторские фотографии.

Внешне издание производит приятное впечатление. Труд добротен оформлен с точки зрения дизайна и полиграфии (трудно пройти мимо красочной обложки), снабжён географическим и алфавитным указателем, хронологической шкалой, иллюстрациями и географическими картами. Что касается содержания, то оно вызывает довольно противоречивые чувства: здесь открывается широкий простор как для похвал, так и для критики.

Первое, что подкупает, — это масштаб авторского замысла. В четырёх частях книги (разделённых, в свою очередь, на семнадцать глав) Хартли стремится отразить едва ли не все важнейшие вехи становления и развития российской цивилизации в том виде, в каком они проявлялись в истории Поволжья. Первая часть — «Древнейшая история Волги» — посвящена периоду с VII по XVI в. Здесь автор обращается к истории древ-

нейших государственных образований — Хазарии, Волжской Булгарии и русских княжеств, затем переходит к периоду Золотой Орды, характеризуя расцвет и упадок последней и, наконец, описывает процесс завоевания приволжских ханств Московским государством в XVI в. При этом в фокусе внимания оказываются не столько политические процессы, сколько экономика и культурные контакты. Обстоятельно описывается, как Волга — «душа и сердце» Хазарии — принесла этой стране огромные богатства и как затем роль крупнейшей торговой державы центральной Евразии перешла к Булгарии. Развитие Владимиро-Суздальского княжества в рецензируемом труде представлено прежде всего как процесс торгового освоения волжского бассейна, сопровождавшийся экономическими контактами и военным противостоянием с теми же булгарами. Золотая Орда выступает перед читателем не столько как завоеватель (хотя этому, конечно, тоже уделяется внимание), сколько как торговое государство, благополучие которого зависело от контроля за поставками пряностей и других восточных товаров на Запад. История превращения Московской державы в Россию — это в первую очередь борьба русских за контроль над всей Волгой от истоков до Каспийского моря, которая в основном завершилась при Иване Грозном. В этой части читатель найдёт колоритные описания древних Итиля, Болгара и Сарая, объяснение закономерности основания Нижнего Новгорода в начале XIII в., а также любопытные штрихи коммерческой и повседневной жизни Казанского и Астраханского ханств в XV–XVI вв.

Второй раздел — «Волга в составе Российской империи. Насилие и борьба за контроль над рекой» — повествует о постепенном превращении Поволжья в органическую часть

России в конце XVI – XIX в., а также о возникавших на пути этого процесса препятствиях. В рамках пяти глав последовательно рассматриваются меры по установлению правительственного контроля над Поволжьем в конце XVI – XVII в., история борьбы с разбоем и восстаниями в регионе, процесс превращения местного казачества и нерусских национальных элит в лояльную часть общества, попытки ограничить влияние ислама, последствия эпидемий, и, наконец, первые научные исследования приволжских земель. Следуя за А. Каппелером⁷, Хартли развивает идею о том, что интеграция приволжских территорий с их пёстрым этническим составом сыграла ключевую роль в становлении империи, фактически сделав страну таковой ещё до петровских времён. Поволжье, по мысли автора, оказалось исходной моделью для будущего управления многочисленными окраинами государства. Здесь русские столкнулись сразу со множеством народов – татарами, марийцами, мордвой, чувашами, ногайцами, казахами, киргизами, калмыками, представлявшими разные религии, поэтому выстраивание удовлетворительной системы межнационального и межкультурного взаимодействия оказалось вопросом сохранения устойчивого государственного порядка. В книге описаны разные элементы такой системы, включая политику земельных пожалований представителям нерусской элиты, набор в армию татар, появление «европейской» городской архитектуры как средства формирования имперской идентичности у местных жителей, основание православных монастырей – оплотов духовного и хозяйственного влияния, сокращение количества мечетей и т.п. Поволжье также оказалось регионом, где в процессе противодействия разным деструктивным движениям

(военным, религиозным) тестировалась эффективность государственного управления в принципе. Так, например, Хартли пишет: «Пугачёвское восстание продемонстрировало тот факт, что Россия управляется плохо и недостаточно» (р. 93). Следствием осознания этого факта стало увеличение численности бюрократического аппарата и армии не только на Волге, но и в стране вообще. Интересны сюжеты о борьбе с холерой и чумой, нередко распространявшимися в приволжских городах с юга на север, о путешествии по Волге Екатерины II, символизировавшем «укрошение реки» и воспетом Г.Р. Державиным в отдельной оде, а также о плодотворных изысканиях учёных из Петербургской академии наук, начиная с XVIII в. исследовавших климат и ресурсы Поволжья.

Третья часть труда, названная «Волга в Российской империи. Жизнь на реке и волжская идентичность» – наименее событийная. Здесь Хартли стремится показать колорит жизни Поволжья в имперский период. Внимание уделено особенностям повседневности волжских городов и сёл, специфике речной торговли, а также тому впечатлению, которое великая река производила на путешественников, художников и писателей. Основательно попрактиковавшись в историко-этнографических описаниях ещё во время работы над книгой о Сибири, Хартли с удовольствием уделяет внимание быту крестьян – русских, татар, представителей других народов (включая немецких колонистов) на «европейской» и «азиатской» сторонах Волги, рассказывает об образовании национальных кварталов в приволжских городах и стилистическом многообразии последних. Сюжет о перевозке товаров даёт представление о том, сколь важна была Волга как главная торговая артерия империи. К примеру, в 1830 г. в Рыбинск

ежегодно заходило более 7 тыс. судов, значительная часть которых затем отправлялась (посредством трёх систем каналов) в Санкт-Петербург и таким образом обеспечивала столицу продовольствием (р. 179). В 1895 г. по Волге ходило более половины российских пароходов (р. 174), а за два-три десятилетия до этого здесь работало более полумиллиона бурлаков, включая женщин (р. 184).

Дав разностороннюю характеристику социально-экономическим и культурным особенностям жизни Поволжья, британская исследовательница уделяет внимание взгляду на Волгу творческой интеллигенции XIX – начала XX в. Вспоминая тексты Некрасова, Островского, Гончарова, Чехова, Горького, картины Шишкина, Левитана и Репина, указывая на появление десятков путеводителей по Волге, а также распространение моды на круизы по ней, Хартли пытается объяснить, как река, некогда бывшая «границей миров», превратилась в символ России.

В последней (четвёртой) части книги «Советская и постсоветская Волга. Конфликты, идентичность и управление рекой» Хартли пишет о том, как этот регион пережил главные катаклизмы XX в. – революции, войны, социалистическое строительство. Здесь же исследуются судьбы нерусских народов региона после 1917 г., а заключительная глава посвящена экологическим издержкам форсированной индустриализации советского периода и попыткам их исправления в постсоветское время. Внимание на себя обращают прежде всего трагические сюжеты, связанные с голодом в 1920–1921 и 1932 гг., коллективизацией, репрессиями и, конечно, Сталинградской битвой. Описание последней у Хартли получилось очень ярким. Обращаясь к малоизвестным сюжетам (таким как массовое погружение в воду советских солдат в качестве

символического «крещения» – р. 285), автор демонстрирует приобретение главной российской рекой ещё одного сакрального статуса – «защитницы».

Резюмируя обзор содержания книги, надо признать, что она способна снабдить российского историка (учёного или преподавателя) массой любопытных «декоративных» деталей, редких цитат и полезных ссылок. Начинаящему исследователю (со школьной/студенческой скамьи приученному смотреть на путь России и других стран через матрицу политической истории) рецензируемый труд мог бы дать интересный пример совмещения исторического, этнографического и экономико-географического подходов к осмыслению прошлого. Однако стоит ли однозначно рекомендовать книгу Хартли к прочтению молодым историкам – вопрос непростой.

Предлагая читателю немало колоритных сюжетов, рецензируемый труд одновременно содержит в себе множество неточностей и ошибок, большинство из которых появляются при попытках автора поместить события и явления Поволжья в контекст общероссийской истории. Например, характеризуя историю распространённого на Волге старообрядчества (р. 118), автор указывает началом Никоновских реформ 1666 г. (вместо 1653 г.), называет конец XVIII в. временем разделения староверов на поповцев и беспоповцев (тогда как в действительности это произошло на рубеже XVII–XVIII вв.), существенно занижает общую численность «ревнитель старины». Повествуя о начале революции 1905 г. и упоминая о требованиях из печально знаменитой петиции столичных рабочих, Хартли почему-то вносит в их число созыв Конституционного собрания (р. 217). Преувеличенными выглядят цифры, указывающие на 12 млн жертв голода в СССР в 1932 г. (р. 256), а также на 100 тыс.

расстрелянных в 1937–1938 гг. православных священников (р. 263), не обеспеченные ссылками на источники. Наконец, затопленный в Ивановской обл. в 1952 г., по утверждению Хартли, старый город Пучеж (р. 176) на самом деле ушёл под воду в результате образования Горьковского водохранилища в 1955–1957 гг. Это — не полный перечень имеющихся в книге фактологических огрех: узкие специалисты найдут в тематически близких им разделах и другие.

Вызывает вопросы и корректность цитат, которые часто берутся не из первоисточников, а из англоязычной литературы. Разумеется, практически невозможно избежать неточностей при написании столь многообразного с тематической точки зрения труда, посвящённого более чем тысячелетнему периоду, особенно если автор — подданная другого государства (трудно представить рукопись отечественного специалиста, которая бы безукоризненно отражала факты истории Темзы в контексте британского прошлого с древнейших времён). Однако эту проблему можно было бы в значительной степени решить путём привлечения к работе высококвалифицированного научного редактора, желательного из числа российских историков.

Впрочем, претензии можно предъявить не только по части фактических неточностей. Декларируя «очарование» Волгой и с симпатией описывая самобытный культурный мир, столетиями складывавшийся на её берегах, Хартли в то же время довольно однобоко представляет деятельность здесь государства. Складывается ощущение, что автор стремится укрепить распространённый на Западе взгляд на него как на Левиафана, безжалостно расправляющегося с недовольными и стремящегося к безоговорочному доминированию над обществом. Так, Хартли не жалеет красок для описания жесто-

костей, сопровождавших подавление разинского и пугачёвского восстаний, использует максимальные цифры для характеристики масштабов сталинских репрессий, в сюжете про экологию Волги обращается к теме ГУЛАГа и подчёркивает, что создание «дивного нового мира» (строительство плотин и электростанций) оказалось омрачено использованием принудительного труда (р. 310). История нерусского населения Поволжья (особенно в XX в.) освещается в книге прежде всего как процесс подавления центральной властью стремления его представителей к расширению автономии и свободному культурному развитию.

Характеризуя сложную и многообразную историю отношений между населяющими Поволжье народами, автор чаще останавливается на её тёмных сторонах. Например, обращаясь к периоду после покорения Иваном IV Казанского и Астраханского ханств, она приводит длинную выдержку из записок английского путешественника о жестокости победителей по отношению к побеждённым (р. 47). В главе «Православие и ислам на Волге» представлена ещё одна пространная цитата из путевых заметок британского подданного о надругательстве русских над мусульманской культурой (р. 111–112). Также Хартли говорит об «угнетении» калмыков в XVIII в. (р. 100), а история поволжских немцев представляется по большей части как череда бедствий, обусловленных недоверием к ним как государства, так и людей другой национальной принадлежности. Поясняя значительное внимание к конфликтам, автор говорит, что история Волги — это «история пришельцев и разрушителей». Спору нет — историк не должен заниматься лакировкой прошлого, а принимать его таким, какое оно было. Однако в книге про величайшую российскую реку подбор фактов и цитат о межнациональных

отношениях выглядит довольно однобоким. В результате яркие описания деструктивных или трагических явлений нередко заслоняют собой сюжеты о созидательных процессах и могут создать как у западного читателя (на которого в первую очередь было рассчитано англоязычное издание книги), так и малоискущённого отечественного не совсем объективное представление о российской истории вообще и прошлом Поволжья в частности.

Рецензируемая монография Дж. Хартли — заметное явление в современной западной русистике и при этом не совсем та книга о «Матушке Волге», которую хочется видеть российскому читателю. Однако констатировать чужое несовершенство легко, гораздо труднее написать собственную историю этой (или какой-либо другой) великой реки России так, чтобы её смело можно было рекомендовать для изучения студентам и молодым исследователям. Задача эта далеко не проста. Пожалуй, неоднозначная публикация британской исследовательницы ценна имен-

но тем, что является своеобразным вызовом отечественным историкам и может рассматриваться в качестве приглашения к действию.

Примечания

¹ Horgan P. Great River: the Rio Grande in North American history. N.Y., 1954.

² Ackroyd P. Thames: Sacred River. Random House, 2008.

³ Sen S. Ganga: The Many Pasts of a River. L., 2019.

⁴ См.: Хартли Дж. Волга. История главной реки России. М., 2024.

⁵ Перевод А.Г. Коробейникова, увы, не передаёт изящной стилистики автора. Что ещё важнее, в ряде случаев авторские осторожно-критические оценки тех или иных явлений в истории России превращены переводчиком в категорические, напоминающие высказывания знаменитого маркиза А. де Кюстина. Последнее обстоятельство меняет смысловые оттенки, а порой даже может ввести читателя в заблуждение относительно авторского взгляда на исследуемый предмет.

⁶ Hartley J. Siberia: A History of the People. L., 2014.

⁷ См.: Kappeler A. The Russian Empire: A Multiethnic History. N.Y., 2001.

Марина Черкасова

Рец. на: С.В. Стрельников, А.П. Павлов. Межевые книги Троице-Сергиева монастыря середины XVI в. // Российская генеалогия. Научный альманах. Вып. 15. М.: Старая Басманная, 2024. С. 7–421.

Marina Cherkasova
(Vologda State University, Russia)

Rec. ad op.: S.V. Strelnikov, A.P. Pavlov. Mezhevye knigi Troitse-Sergieva monastyrya serediny XVI v. // Rossiyskaya genealogiya. Vol. 15. Moscow, 2024. P. 7–421.

DOI: 10.31857/S2949124X24020187, EDN: HNF EWV

В марте 2024 г. в рамках 15-го выпуска альманаха «Российская генеалогия» были изданы ценные исторические источники. Это хранящиеся в РГАДА в ф. 1209 (Поместный при-

каз) подлинные межевые книги крупнейшего в России Троице-Сергиева монастыря 1555/56–1558/59 гг. В научной литературе они были известны ещё с 1840–1860-х гг., обращались к ним